

«Мне очень не нравится быть последним из могикан»

21 августа исполняется 70 лет известному российскому писателю Анатолию Гладилину. Его первая повесть «Хроника времен Виктора Подгурского» была напечатана в журнале «Юность» в 1956 году и мгновенно стала бестселлером. Позднее вышли «Дым в глаза», «Первый день Нового года», «История одной компании». В 1976 году вместе с семьей Гладилин эмигрировал во Францию. В 1991 году в Москве издали его книгу «Меня убил скотина Пелл» и сборник рассказов «Беспокойник». В 2000 году он закончил работу над своим, как он считает, лучшим романом «Тень всадника». Накануне юбилея с Анатолием Гладилиным побеседовал в Париже корреспондент «Известий» **Юрий Коваленко.**

«У меня были наполеоновские планы помирить Синявского и Максимова»

известия: Слава обрушилась на вас после публикации в катаевской «Юности» «Хроники времен Виктора Подгурского». Вам было всего 20 лет. «Крыша» от популярности у вас тогда не поехала?

Гладилин: Как ни странно, нет. Сегодня мне жалко, что я как следует не воспользовался этой популярностью. Мне тогда все говорили, что первую книгу, дескать, каждый дурак может написать, а вот попробуй сочинить следующую. Как раз она у меня никак не шла. И вместе того чтобы наслаждаться обществом девушек, я не спал ночи, работал над второй книгой. Это была «Бригантина поднимает паруса», оказавшаяся не столь удачной. Но именно она имела наибольший официальный успех — печаталась во всех молодежных газетах, начиная с «Комсомольской правды».

известия: В эмиграции такого успеха уже не было?

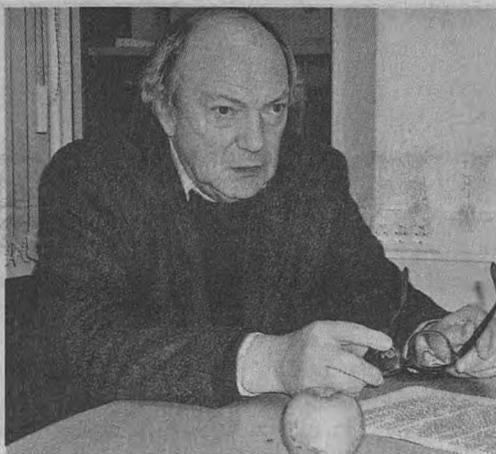
Гладилин: Ни у кого из русских писателей не было успеха, сравнимого с тем, который они имели в России. И если кто-то утверждает, что очень популярен на Западе, то это чистое вранье.

известия: Академик Андрей Сахаров не хотел, чтобы вы уезжали в Париж. Почему же вы все-таки предпочли эмиграцию? Вы ведь никогда не были воинствующим диссидентом?

Гладилин: Нет, воинствующим не был. Живя в Советском Союзе, я в политику не лез, в партии не состоял. Другое дело, что я имел честь быть другом Сахарова. Мне Елена Георгиевна Боннэр запрещала подписывать всякие письма. «Толя, — говорила она, — не лезь в политику, это не твоё дело. Твоё дело — писать книги». И тайком от нее я подписал только письмо в защиту Сергея Ковалева. Сахарову не хотелось, чтобы я уезжал в эмиграцию, но раз я это решил, он мне сказал: «Поезжайте, Толя, тогда в Париж. Мне не нравится, как Володя Максимов делает «Континент» — слишком резко. А вам удастся это смягчить». Поэтому я и поехал во Францию.

известия: И вам удалось выполнить наказ Андрея Дмитриевича?

Гладилин: Нет. У меня были вообще наполеоновские планы — помирить Андрея

Синявского и Володю Максимова. В эмиграции, с одной стороны, все были вместе, а с другой — проявились острые углы каждой личности. С Максимовым у нас произошло разделение сфер влияния. У меня было радио — парижский филиал «Свободы», а у Максимова — «Континент».

известия: Вашим коллегой и другом на «Свободе» был Виктор Некрасов. Как чувствовал себя герой Сталинграда в Париже?

Гладилин: Очень хорошо. Он вообще был очень легкий человек. И в моей книге «Меня убил скотина Пелл», посвященной эмиграции, у меня очень подробно описан Вика Некрасов. Ему было уже довольно много лет, он продолжал работать на радио. И когда его спрашивали: «Как ты выкручиваешься?», он отвечал: «Пока в Париже сидит Толя Гладилин, моя семья всегда будет иметь кусок хлеба».

«В эмиграции было правило — первым к товарищу из Союза не подходить»

известия: Булат Окуджава посвятил вам стихотворение: «Что этот мир без нас, всех вместе взятых? Он весь расположился у крыльца, а хроника времен 50-х не кончилась, и нету ей конца»...

Гладилин: Булат всегда афишировал нашу дружбу и звонил Максимова, Некрасова и мне прямо с вокзала.

известия: Кто еще приезжал в ваше парижское подполье?

Гладилин: Первым ко мне в 2 часа ночи приехал Андрей Вознесенский. Я тогда прекрасно понимал, что у людей, которые со мной встречаются, могут быть неприятности — не пустят больше за границу, задержат публикацию книги... В эмиграции было правило — никогда первым к товарищу из Советского Союза не подходить! Помню, как на гастроли в Париж прибыла «Таганка». Мы все, естественно, были на спектакле. Идет Юрий Любимов, а мимо него проходит, словно не замечая, Максимов. И когда первым с объятиями бросается Юрий Петрович, стало ясно — он не боится.

известия: Сегодня в Париже почти никого не осталось из старой гвардии — ушли Некрасов, Галич, Синявский, Максимов...

Гладилин: Из писателей той эмиграции я, наверное, остался один. И мне очень не нравится быть последним из российских могикан.

известия: Пару лет назад из Америки в Биарриц перебрался ваш лучший друг Василий Аксенов, с которым вы вместе пришли в литературу.

Гладилин: Действительно, жить мне стало веселее, и в Париже мы с ним обязательно пересекаемся, правда, до Биаррица я никак не доберусь. Конечно, мы с ним говорим о литературе, о писателях, о литературных интригах, но все больше и больше — о здоровье.

известия: У вас не было искушения вернуться в Россию в перестроечные годы? Или жить на два дома?

Гладилин: Я вернулся в Россию 20 октября 1991 года и очень благодарен «Известиям» и тогдашнему главному редактору Игорю Голембиовскому за то, что меня очень хорошо встретили. В день приезда в «Известиях» была напечатана рецензия на книгу «Меня убил скотина Пелл» с моей фотографией на первой полосе. Я пробыл месяц в состоянии блаженства — бесконечные интервью, съемки для телевидения. После этого я долго не приезжал в Москву — не хотелось портить впечатления. Последнее время я приезжаю в Москву два раза в год. Это связано с выходом в свет «Тени всадника», которая повлекла за собой переиздание других книг.

«Франция — страна победившего социализма»

известия: В чем особенности французского характера? Есть ли у них какая-то своя национальная идея?

Гладилин: Главная черта французов — это какое-то, в хорошем смысле этого слова, «животное» жизнелюбие. Русские все думают о том, что будет с Россией через 10, 100, 200 лет. Француза же больше всего волнует, когда он выпьет бутылку хорошего вина, поест свою гусиную печенку и переспит с Мими. Похоже, что меня больше, чем французов, беспокоит, что будет с их страной через 10 лет — у меня здесь живут внуки.

известия: Вы автор книги «Большой беговой день» и частый гость парижских ипподромов. Бега — это разорительная страсть или, напротив, они помогают иногда латать дыры в бюджете?

Гладилин: Я, который занимался бегами почти профессионально, могу сказать, что это разорительное удовольствие. Я думаю, что на московском ипподроме надо прикрепить табличку на колонну с надписью: «Эта колонна была построена на деньги, оставленные здесь Анатолием Гладилиным».

известия: Наверное, хорошо быть русским писателем, жить в Париже и, имея французское гражданство, получать французскую пенсию?

Гладилин: Получить французскую пенсию не так просто. Я ее заработал. Как бы я ни ругал начальство «Свободы», радио мне дало хорошую пенсию. У нее оказалась пенсионная система, о которой я не имел никакого понятия. Да и в целом Франция, конечно, — страна победившего социализма со всеми его плюсами и минусами.

известия: Не собираетесь ли вы приступить к мемуарам?

Гладилин: Московское издательство «Вагриус» уже который год требует от меня мемуаров. Но я до сих пор не могу раскаться. Меня, наверное, останавливает аксеновская теория: когда писатель садится за мемуары, это означает его полный конец, последний гвоздь в его гроб.